

Elena KRASNOVA
The first Russian Conservatory
in Demidov Lane

Елена КРАСНОВА
Первая русская
консерватория
в Демидовом переулке

Первая русская консерватория открылась в Петербурге в 1862 году в доме представителей семьи уральских промышленников Демидовых на Мойке, угол Демидова переулка (ныне пер. Гривцова). Место было выбрано, по-видимому, не случайно — в истории русской музыки фамилия Демидовых встречается неоднократно.

Консерватория была открыта при Русском Музыкальном обществе (далее — РМО), созданном в Петербурге в 1859 году. Совет директоров РМО составили пять человек: молодой, но уже всемирно известный А. Г. Рубинштейн, юрист и известный общественный деятель Д. В. Стасов (сын архитектора В. П. Стасова, брат художественного и музыкального критика В. В. Стасова), виолончелист и музыкальный деятель М. Ю. Виельгорский. Кроме них, директорами были два помещика — В. А. Кологривов, ставший при открытии консерватории ее инспектором, и Д. В. Кашин.

Созданное ими Музыкальное общество было не первым в России. Еще в 1772 году был создан в Петербурге Музыкальный клуб, но он просуществовал недолго. Затем, говоря словами известного историка Петербурга Иоганна-Готтлиба Георги, «из дебрей сего [...] клуба

An article about the history of the first Conservatory in Russia. The text includes information on teachers, students and graduates that had been working at the Conservatory 1862 to 1868 years, and some corrections concerning the details of the first location address of the Conservatory at the Demidovs' homestead.

Key words: St. Petersburg Conservatory, Demidov.

Статья об истории создания первой консерватории в России. В ней содержатся данные о преподавателях, учащихся и выпускниках этого музыкального учебного заведения, работавших в нем с 1862 по 1868 годы, уточняются сведения о первом адресе, по которому располагалась консерватория, в усадьбе Демидовых.

Ключевые слова: Санкт-Петербургская консерватория, Демидов.

составился попечением барона Демидова, статского советника Стакселя, купера (виноторговца. — Е. К.) Бландо и некоторых других ревностных охотников до музыки еще до исхода 1792 года новый музыкальный клуб под названием „Музыкальное общество“» [цит. по: 17, с. 90]¹. Спустя десять лет, в 1802 году, было создано Филармоническое общество, дававшее два-три концерта в год.

К сороковым годам XIX века наряду с Филармоническим обществом концерты устраивали также Музыкальная академия и Симфоническое общество. В 1850 году директором Капеллы А. Ф. Львовым было учреждено Концертное общество. Очень распространены были и любительские концерты, но для развития русской музыки необходимы были профессионалы, и в достаточном количестве, требовались учебные заведения, выпускающие таких музыкантов.

Академия художеств в шестидесятые годы XIX века отпраздновала уже свой столетний юбилей, выпустив из своих стен много крупных художников и скульпторов, прославивших Россию, а специальных музыкальных учебных заведений в России еще не было. В XVIII веке при Академии художеств существовали музыкальные классы, а два их выпускника — Петр Соколов и Евстиг-

¹ Георги ошибся — Демидовы не были баронами.

ней Фомин, впоследствии профессиональные композиторы, — были удостоены пенсионерской поездки в Италию на три года для продолжения музыкального образования.

В XIX веке недолго существовали также инструментальные классы при Придворной певческой капелле, готовящей регентов и певчих, но к пятидесятым годам за недостатком средств они закрылись. Музыка преподавалась в Театральном училище, но и там не была основным предметом.

В первом номере петербургского журнала «Век» за 1861 год была напечатана статья А. Г. Рубинштейна «О музыке в России» [переизд.: 13], где он писал, что в русской музыке преобладает дилетантизм, что даже даровитые композиторы не могут без всестороннего образования развить полностью свой талант. Рубинштейн с горечью отмечал, что уроки музыки дóроги, нет русских учителей музыки, и человек, не владеющий иностранными языками не в состоянии их брать. К тому же, музыкант сетовал, что иностранные учителя не всегда добросовестно относятся к своему делу, не стараются дать ученику всестороннее образование.

Рубинштейн считал, что в России необходимо открыть учебное заведение, которое готовило бы профессиональных музыкантов. Полемизируя с противниками этой идеи, он писал: «Нам скажут, что из консерватории редко выходят великие гении; мы согласны с этим, но кто может отвергать, что из консерватории выходят хорошие музыканты? А это именно и необходимо в нашем огромном отечестве. Консерватория никогда не помешает гению образоваться вне ее, а между тем каждый год даст русских учителей музыки, русских музыкантов, певцов, которые будут трудиться так, как трудится человек, который видит в своем искусстве средство к существованию, право на общественное уважение» [цит. по: 19, с. 27]. Кроме того, по мысли Рубинштейна, звание «свободного художника», полученное по окончании консерватории, должно было давать выпускникам определенные привилегии, а именно — освобождение от податей и от рекрутчины, право свободного повсеместного проживания, а также право на звание потомственного почетного гражданина [см. об этом: 1, с. 19]².

Рубинштейн мечтал о создании государственной или, как тогда говорили, правительственной консерватории. В 1859 году он обратился от имени Русского Музыкального общества с письмом к министру народного просвещения, представив проект устава и сметы [19, с. 25]. Однако Министерство отклонило его проект, мотивируя отказ тем, что с целью «распространения в народе музыкального начала» открытие консерватории «несвоевременно», что она явилась бы «учреждением роскоши» и «пользу от нее ожидать нельзя» [17, с. 11].

После отказа открыть государственную консерваторию Совет директоров РМО решил создать консерваторию на общественных началах (государственной консерватория стала только в 1918 году). В 1860 году были открыты учебные классы на дому у некоторых педагогов, а с 1861 года — в Михайловском дворце, принадлежавшем «августейшей покровительнице» РМО великой княгине Елене Павловне. Одновременно начали разрабатывать устав будущей консерватории. Вместе с А. Г. Рубинштейном в разработке устава и проекта консерватории участвовали А. С. Даргомыжский, кн. В. Ф. Одоевский и уже упоминавшийся выше Д. В. Стасов.

Начался сбор денег. А. Г. Рубинштейн вспоминал: «Мы точно славилы Христа, разъезжая по домам и собирая деньги» [цит. по: 19, с. 29]. Были разосланы письма предводителям дворянства всех губерний с просьбой собрать пожертвования, затем напоминания (копии всех этих писем и ответов есть в архивах), но по подписным листам денег собрали мало. Из Новгорода прислали 1 рубль, а уплатили «за употребление из них на пересылку в пользу почт — 99 коп.», из Киева — 15 копеек³. Большую сумму собрали в Туле, где бурную деятельность развил один из директоров РМО В. А. Кологривов — сам тульский помещик. 4800 рублей дали два концерта в зале дома купцов Елисеевых (наб. р. Мойки, д. 59).

В марте 1862 года в газетах было помещено объявление о предстоящем открытии «музыкального училища» (в официальных бумагах название «консерватория» писалось в скобках), лишь с 1866 года учебное заведение стали официально именовать «консерваторией», но в устав это наименование было внесено только в 1870-е годы.

При своем рождении консерватория встретила много ярых противников, причем весьма серьезных. Среди них был директор Капеллы А. Ф. Львов, который даже грозил увольнением тем певчим, которые будут принимать участие в концертах РМО. Резким нападкам подверг консерваторию музыкальный критик и композитор А. Н. Серов. Требование серьезного образования для музыкантов он называл «немецким цеховым педантизмом» [цит. по: 19, с. 28]. А. Н. Серов считал, что профессиональное образование музыкантов будет способствовать развитию ремесленного отношения к искусству, что музыканты должны развиваться без «школьной указки» и «опираясь на внутреннее влечение» петь, «как поет птица» [цит. по: 17, с. 13]. Правда, находились люди, которые считали, что А. Н. Серов просто был обижен тем, что РМО организовали без него.

В. В. Стасов тоже считал, что высшая школа полезна для науки, но не для искусства, где она «вмешивается вредным образом в творчество» [цит. по: 17, с. 13]. Даже много позже В. В. Стасов писал: «Чайковский родился

² Рубинштейн вспоминал, что идея получения музыкантами звания «свободного художника» пришла ему в голову, когда в исповедной книге Казанского собора его записали за отсутствием другого звания сыном купца [12, с. 46–47].

³ ЦГИА СПб. Ф. 408. Оп. 1. Д. 21. Л. 1–2.

с великим редким талантом, но к несчастью воспитывался в Петербургской консерватории в самую неблагоприятную ее пору, во время неограниченного там владычества и обаяния Антона Рубинштейна» [15, с. 745]. Сам же Чайковский писал о Рубинштейне: «Я обожал в нем не только великого пианиста, великого композитора, но также человека редкого благородства, чести, великодушия. Как учитель, он был несравненен» [цит. по: 1, с. 106].

Весьма враждебно были настроены М. А. Балакирев и Ц. А. Кюи. В противовес консерватории, М. А. Балакирев и Г. Я. Ломакин открыли в том же году Бесплатную музыкальную школу. Через нее за годы ее существования прошло много учащихся, но конкурировать с консерваторией она не могла, так как не давала систематического музыкального образования.

Несмотря на все трудности, консерватория была открыта 8 сентября (по ст. ст.) 1862 года. Директором был утвержден А. Г. Рубинштейн, а инспектором В. А. Кологривов. Среди преподавателей были известные исполнители, дирижеры, композиторы, музыкальные педагоги: А. Г. Рубинштейн, Ф. О. Лешетицкий, Г. И. Венявский, Г. Ниссен-Саломан, К. Б. Шуберт, И. И. Зейферт, О. И. Дютш, К. Н. Лядов. Как видно из приведенного выше списка, русских преподавателей при открытии консерватории почти не было, поэтому вести все занятия на русском языке, как хотел Рубинштейн, не удалось. Да и сама эта идея многим показалась странной. Как позже вспоминал Рубинштейн, одна дама очень удивилась: «Музыка на языке русском?! Вот это оригинально!» [12, с. 53].

Принимали в консерваторию детей с четырнадцати лет и взрослых, как было сказано в объявлении, «кавалеров и дам», имеющих общее образование и не имеющих его. Для последней категории учащихся были открыты также общенаучные классы: Закона Божия, русского, немецкого и итальянского языков, истории, географии и математики. Специальная музыкальная подготовка осуществлялась по таким дисциплинам как фортепиано, скрипка, виолончель, контрабас, кларнет, флейта, гобой, фагот, валторна, труба, арфа, орган, пение, литавры. Обязательными музыкальными предметами являлись фортепиано, теория музыки и элементарные классы [7]. Несколько позже для оперных певцов были открыты классы «фехтования, танцевания и мимики»⁴. Музыкальная подготовка поступающих была различной: в обязательном порядке требовалось лишь знание нотной грамоты. Чрезвычайно огорчало Рубинштейна то, что некоторые родители приводили своих детей в расчете на то, что кроме получения общего образования, они «и музыке немного подучатся» (опять же — экономия!), приводили даже слабоумных: «у Вас и полегче ему будет» [12, с. 53].

Всего в 1862 году было принято 179 человек (102 ученика и 77 учениц). В первый год в консерваторию поступили: П. И. Чайковский, впоследствии крупный

музыкальный критик Г. А. Ларош, А. И. Рубец. В первом приеме были два племянника Ф. М. Достоевского — Михаил и Федор Михайловичи Достоевские [7]. Консерваторию они, по-видимому, не окончили, в списках выпускников ни за один год их нет. Ф. М. Достоевский-младший впоследствии был директором Саратовского отделения РМО, немного концертировал, занимался продажей роялей.

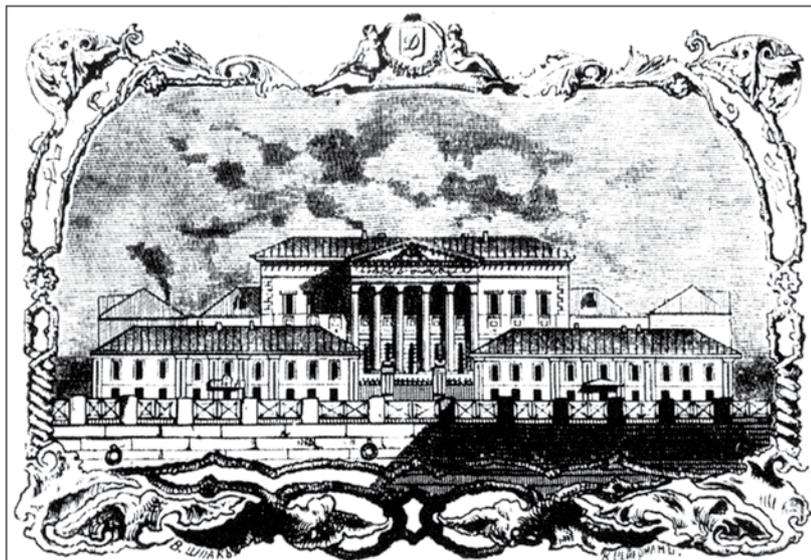
Уставом консерватории была предусмотрена возможность записаться в консерваторию вольнослушателем и изучать только музыкальные предметы. Можно было также сдать все экзамены экстерном для получения звания свободного художника. Первым получил это звание сам Антон Григорьевич Рубинштейн. В первый год работы консерватории он подал в дирекцию РМО прошение: «Желая держать экзамен на звание „Свободного художника“ имею честь представить все свои сочинения, покорнейше прося рассмотреть их», в ответ на которое он получил диплом: «Совет консерватории сим свидетельствует, что артист I разряда Императорских театров Антон Григорьевич Рубинштейн, православного вероисповедания, 33 лет был допущен, согласно прошению, к экзаменам на звание свободного художника и особой комиссией экзаменаторов, по рассмотрении его музыкальных сочинений и во внимание к его всемирной артистической известности удостоен по параграфу 18 Высочайше утвержденного устава консерватории звания свободного художника и утвержден в оном Президентом РМО. 11 апреля 1863 г. [...] Президент Елена»⁵.

Несмотря на то, что в консерваторию принимали без вступительных испытаний, А. И. Рубец вспоминал, что 1–4 сентября 1862 года экзамены все же проходили. На страницах своих воспоминаний, опубликованных в 1912 году в газете «Новое время», он даже рассказал почти анекдотический случай, произошедший во время конкурсного прослушивания: к экзаменаторам, в числе которых был Г. Венявский, подошел конвойный офицер по фамилии Абаев и сообщил, что будет играть на скрипке. Однако скрипки у него не было, нот он не знал также. Офицер предложил комиссии сыграть что-нибудь, с тем, чтобы он затем повторил. Каково же было удивление Венявского, когда, взяв скрипку, Абаев действительно в точности повторил сыгранный им довольно сложный пассаж [9, с. 4].

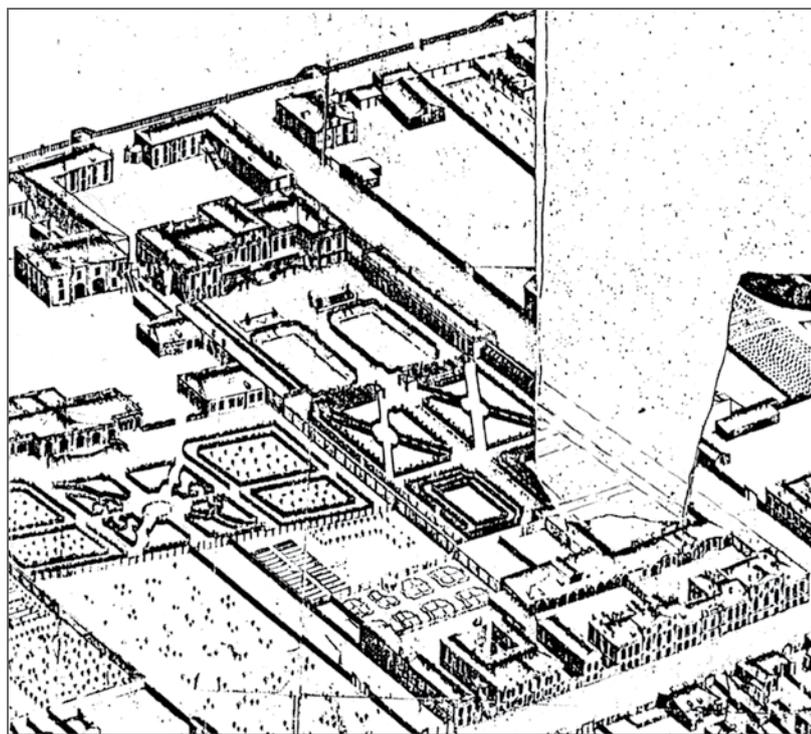
Плата за обучение в консерватории в первый год была установлена в размере 50 руб. в полугодие, что не покрывало издержек РМО. Среди учащихся были и так называемые стипендиаты, за которых вносили плату: пять стипендиатов великой княгини Елены Павловны, три — барона Штиглица, а также Кологривова, Каншина и др. Были стипендиаты РМО (в том числе А. И. Рубец), два — Московского отделения РМО, по одному — войска Донского и войска Кабардинского (может быть, все-таки офицер, не знающий нот, и был принят в консер-

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 1. Д. 1.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 408. Оп. 1. Д. 32.

Усадьба Демидовых. Вид с Мойки. Сер. XIX века

Усадьба Демидовых. Аксонометрический план Сент-Илера. 1760–1770-е годы

ваторию?..). Сам А. Г. Рубинштейн в первый год оплачивал обучение семи стипендиатов из числа исполнителей на духовых инструментах. Жалованье в должности директора он получал всего 1 500 руб. в год (меньше, чем повар Английского клуба, который до консерватории располагался в том же доме), да и то тратил на стипендии и покупку инструментов. К слову сказать, торговцы музыкальными инструмента-

ми также пошли навстречу консерватории. Фортепианный мастер Беккер согласился поставить рояли в рассрочку и с уступкой по цене, а фортепианный мастер Гентч предоставил консерватории два инструмента на несколько лет бесплатно [7].

Помещение для консерватории было нанято за небольшую плату 2 000 руб. в год на углу Мойки и Демидова переулка (современный адрес: Мойка, д. 64 или пер. Гривцова, д. 1). К сожалению, этот дом не сохранился.

Г. А. Ларош вспоминал: «Тогдашняя консерватория была маленькой и помещалась во флигеле элегантного барского дома Демидова, ныне уже не существующем. Главное здание с важностью по-московски стояло во дворе, отделенном решеткой от набережной, а с нас довольно было и флигеля, да и тот мы разделяли с „немецким клубом“» [цит. по: 8, с. 17]. А. И. Рубец вспоминал подъезд маленького одноэтажного домика с зеркальными окнами. «Направо от входа в швейцарскую — дверь в контору. Из швейцарской я поднялся наверх. Пройдя маленькую комнатку в виде приемной [...], я вышел в залу довольно большого размера, очень светлую, выходящую на Мойку и Демидов переулок» [9, с. 4].

К этим описаниям никак не подходит то здание, фотография которого, как первого здания консерватории, помещена в работах Л. Баренбойма об А. Г. Рубинштейне [2], Н. Бертенсона об А. Н. Есиповой [3] и в других изданиях. Изображение дома Демидовых есть в книге, посвященной столетию Английского клуба, который находился в этом доме с 1830 по 1859 гг. [16]. В 1862 году вместо Английского в доме Демидовых был уже Немецкий клуб.

На гравюре — вид с Мойки. Основное здание находится в глубине участка параллельно Мойке (на Демидов переулок выходит боковым фасадом), перед ним — парадный двор и два флигеля, на месте которых позже был построен большой дом. Судя по воспоминаниям Рубца, консерватория помещалась в левом флигеле, если смотреть с Мойки. Флигель был угловой, выходил длинным фасадом на Демидов пер. и более коротким на Мойку. По чертежам, сохранившимся в архиве⁶, видно, что это был одноэтажный на высоких подвалах дом с подъездом со стороны Мойки (виден и на гравюре), такой же, как сохранивший-

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 3381.

ся дом, расположенный по пер. Гривцова, слева от бокового фасада основного дома, если смотреть на него с переулка. Сейчас на месте консерватории (справа от основного) находится огромный дом, построенный в 1880-х годах.

Как удалось выяснить, усадьба Демидовых была построена в 50-е годы XVIII века архитектором Саввой Ивановичем Чевакинским для Григория Акинфиевича Демидова [5]. Она хорошо видна на рукописном аксонометрическом плане Петербурга, выполненном в 1767–1773 годах⁷.

При открытии консерватории усадьба по завещанию полковника Александра Григорьевича Демидова, который вышеупомянутому Григорию Акинфиевичу доводился правнуком, находилась в пожизненном владении вдовы полковника Ольги Александровны (урожденной Алединской), которая была фрейлиной покровительницы Русского Музыкального общества Великой княгини Елены Павловны. После смерти Ольги Александровны дом должен был перейти к ее сыновьям. Один из сыновей, Григорий Александрович Демидов, ради музыки пожертвовал военной карьерой. Он писал, в основном, романсы и марши, которые исполнялись на музыкальных вечерах у Елены Павловны в Михайловском дворце, по большей части они не опубликованы. Г. А. Демидов был дружен с Даргомыжским, как знатока теории музыки его ценил А. Г. Рубинштейн. По-видимому, именно благодаря О. А. и Г. А. Демидовым консерватория и разместилась в их родовой усадьбе. С 1866 до своей смерти в 1870 году Г. А. Демидов по личной просьбе Рубинштейна был инспектором музыкальных классов консерватории и весьма положительно проявил себя в этой должности.

Большую часть времени Рубинштейн проводил в консерватории. Его класс представлял собой квадратную комнату, слева от входа в Большой зал. В свободное от занятий время Рубинштейн обычно находился в зале, где к нему могли обратиться все желающие [см. об этом: 10, с. 3]. Его квартира также располагалась в здании консерватории. Профессор консерватории Зейферт вспоминал, что его класс виолончели находился в подвале, прямо под квартирой Рубинштейна [4]. Решая вопросы, связанные с ремонтом здания летом 1864 года, Рубинштейн писал: «Как это будет с моей прежней квартирой? Я думаю, что самое лучшее снова проломить дверь, чтобы был вход оттуда в классы, даже ежели там поместится контора» [14, с. 137].

Рубинштейн энергично боролся за порядок в консерватории. В первые месяцы на занятия опаздывали все — и ученики, и преподаватели, последние также плохо посещали заседания Совета. В отчете РМО за 1862–1863 годы отмечено: «По неполному сознанию теоретического образования учащиеся не обращали

на оное должное внимание, тем не менее... между большей частью учащихся заметно большое рвение на практических занятиях» [7].

Ученикам консерватории разрешено было бесплатно посещать концерты и репетиции РМО, которые происходили в зале здания Городской думы. Кроме того, еженедельно устраивались концерты самих учащихся. Особенно отличившимся Рубинштейн давал в награду серебряные гривенники, они потом хранились как святыня. А. И. Рубец позже вспоминал: «Серов и Кюи ругали в газетах концерты и консерваторию, Моцарта и Гайдна. Рубинштейн не отвечал и тем раздражал» [11, с. 4].

Осенью следующего 1863 года в консерватории было 113 учеников и 113 учениц. Такая малая прибавка объясняется тем, что из первого набора много учащихся выбыло. В том году поступила Мария Михайловна Достоевская, сестра уже учившихся Михаила и Федора. Так же, как они, курса она не окончила, впоследствии стала женой ректора Санкт-Петербургского университета М. И. Владиславлева. Ее имя встречается в воспоминаниях Елены Андреевны Штакеншнейдер, в салоне которой она бывала со своим дядей Ф. М. Достоевским. Михаил Михайлович обучался в классе скрипки, а Федор Михайлович-племянник и Мария Михайловна — в классе фортепиано у Рубинштейна. Во втором приеме была также 16-летняя стипендиатка Московского отделения РМО Валентина Семеновна Бергман; вскоре она бросила консерваторию, выйдя замуж за А. Н. Серова. Кстати, жил Серов неподалеку от консерватории — в д. 2 по Демидову переулку. Ученики консерватории (в том числе Чайковский и Ларош) часто у него бывали, хоть это и не одобрялось.

В декабре 1865 года состоялся первый выпуск консерватории. В преддверии этого события обострились разногласия Рубинштейна с Советом профессоров по поводу присуждения дипломов. Позиция директора была такова: «Во избежание накопления посредственностей диплом следует выдавать только выдающимся из ряда обыкновенного, а в других случаях заменять его аттестатом» [цит. по: 1, с. 24].

Семь человек из первого выпуска консерватории получили диплом «свободного художника»: Людвиг Альбрехт (по классу виолончели), Василий Бессель (альт); Герман Гомилиус, Густав Кросс, Рейхардт, Иван Рыбасов (по классу фортепиано), Петр Чайковский (теория музыки и сочинение). Все они кроме специальности сдали и обязательные предметы⁸. Двое из них — Чайковский и Кросс — получили серебряные медали. Поскольку «из-за различного значения, придаваемого профессорами баллов, возникли недоразумения», то «в предупреждение недоразумений Совет постановил заявить в протоколе заседания, что выводы об успехах воспитанников на экзаменах 1865 г. для диплома на получение звания

⁷ Он известен как план Сент-Илера (по имени одного из составителей) и хранится в Российском государственном архиве военно-морского флота. Ф. 326. Оп. 2. Д. 2942. Л. 49.

⁸ ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 11. Д. 5. Л. 48; Там же. Оп. 13. Д. 28.

свободного художника, сделаны были не на основании баллов (цифр), поставленных экзаменаторами, а по совещании профессоров на заседании Совета 20 декабря 1865 г.»⁹.

Несколько человек окончили консерваторию только по специальности с аттестатом. Этот документ давал выпускникам возможность для получения диплома в случае, если они в течение двух лет сдадут все обязательные предметы: теорию и историю музыки, а также инструментовку.

Второй выпуск консерваторцев состоялся в декабре 1866 года. Дипломы получили уже 17 человек, в том числе и Г. Ларош. Окончившим по специальности теория музыки и композиция у профессора Н.И. Зарембы был признан А.И. Рубец¹⁰. Оценки ставились так: 5 — «отлично», 4 — «хорошо», 3 — «удовлетворительно», 2 — «посредственно», 1 — «худо». Рубец получил по специальному предмету 3 балла, а для диплома надо было иметь по нему не менее 4-х баллов! Он не стал сдавать обязательные предметы, возможно, потому, что намеревался пересдать специальность, но так и не собрался. В результате, только в 1871 году А.И. Рубцу выдали аттестат, который он мог получить еще в 1865 году! Правда, эти обстоятельства не помешали ему преподавать и стать в консерватории сначала старшим преподавателем, а потом и профессором.

В декабре 1866 года по поводу второго выпуска Рубинштейн снова резко разошелся во мнении с Советом профессоров, считая «диплом слишком большой наградой лицам, не вполне зрелым в музыкальном искусстве» [цит. по: 1, с. 24]. Дирекция РМО и Елена Павловна не согласились с его требованиями заменить некоторым учащимся диплом аттестатом, хотя и признали необходимость «сделать некоторые изменения в правилах о выпускных экзаменах и наградах» [19, с. 39].

Инспектор Г.А. Демидов был единственным человеком, кто полностью поддерживал Рубинштейна. В ЦГИА СПб в фонде консерватории есть ответ дирекции РМО на требование Рубинштейна с приложением особого мнения инспектора Демидова, который писал, что экзаменаторы ставили отметки двух родов: цифрами по постановлению Совета и словесные по предложению директора, что цифры ставились весьма различно, и «результат выведенный на цифрах, основан на неверных данных»¹¹. Даже Елена Павловна «соизволила безусловно утвердить протокол комиссии»¹². Это, как пишет Демидов, «вместе с приведенными мною выше неточностями и несогласиями, происшедшими в самом производстве, привело меня к окончательному убеждению вполне согласиться с совершенно справедливым и высоко добросовестным требованием А. Г. Рубинштейна подвергнуть все экзамены 1866 года строжайшему пересмотру»¹³.

Однако авторитет Рубинштейна был так велик, что некоторые выпускники, которым были присуждены дипломы вопреки мнению директора, отказались от них и изъявили желание через год держать экзамены вторично [2, с. 347]. В начале 1867 года А.Г. Рубинштейн выдвинул ряд условий, на которых он может остаться директором. Они не были приняты, и Рубинштейн покинул консерваторию, которая располагалась в это время уже в другом здании. В конце 1866 года учебное заведение переехало в пожалованный ему стараниями Великой княгини Елены Павловны собственный дом на Загородном проспекте у Пяти углов, принадлежавший ранее Департаменту неокладных сборов (тогда д. 24, сейчас д. 26 — перестроен), но реконструированный архитектором А.И. Кракау в соответствии с нуждами консерватории¹⁴. Здесь первое высшее музыкальное учебное заведение России находилось до 1868 года.

Литература:

1. Асафьев Б.В. (Игорь Глебов) Антон Григорьевич Рубинштейн в его музыкальной деятельности и отзывах современников (1829–1929). М.: Музсектор гос. изд-ва, 1929. 182 с.
2. Баренбойм Л.А. Антон Григорьевич Рубинштейн. Жизнь, артистический путь, творчество, музыкально-общественная деятельность. Л.: Музгиз, 1957. Т. 1. 450 с.
3. Бертенсон Н.В. Анна Николаевна Есипова. Очерк жизни и деятельности. Л.: Музгиз, 1960. 149 с.
4. Зейферт И.И. Воспоминания профессора Петроградской Консерватории. Петроград: Рус.-франц. тип., 1914. 56 с.
5. Краснова Е.И. Демидовский квартал «за Мойкой у Синего мосту» // Невский архив. Историко-краеведческий сборник. Вып. 6. СПб.: Лики России, 2003. С. 161–195.
6. Кремлев Ю. Ленинградская государственная консерватория (1862–1937). М.: Музгиз, 1938. 180 с.
7. Отчет Русского музыкального общества за 1862–1863 г. СПб., 1864. 67 с.
8. Пузыревский А.И., Саккетти Л.А. Очерк 50-летия деятельности С.-Петербургской консерватории. 2-е изд., испр. и доп. Петроград: Русско-Французская типография, 1914. 198 с.
9. Рубец А.И. Воспоминания о первых годах Петербургской консерватории // Новое время. 1912. 7 мая. № 12985.

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 11. Д. 3. Л. 59 об.

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 11. Д. 3. Л. 66–67; Там же. Оп. 13. Д. 28.

¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 408. Оп. 1. Д. 32. Л. 42.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 11. Д. 5. Л. 13.

